

“ОСТАЮТСЯ ТОЛЬКО ЛЮДИ — И СТИХИ...”

Памяти Александра Ивановича Казинцева

Утром седьмого декабря, как только пришло неожиданное и страшное известие о смерти Александра Ивановича Казинцева, социальные сети наполнились множеством личных записей, в которых были боль, растерянность, благодарность. Причём писали в основном люди молодые. И все в один голос говорили о нём как о своём учителе.

О новом поколении в литературе Александр Иванович начал говорить задолго до появления “новых традиционалистов”. Помню его небольшую заметку в “Дне литературы” в 2014 году, в которой он уже называл конкретные имена молодых авторов поколения, которые тогда ещё были “двадцатилетними”. Молодые стали его последним большим проектом. Он лично приглашал интересных авторов, редактировал “молодёжные” номера “Нашего современника”. По крупицам создавал и скреплял поколение в единое целое.

А мы принимали его внимание и заботу как должное, не понимая до конца, какой труд стоит за его деятельностью. И сколько веры в молодость нужно, чтобы серьёзно рассматривать наши первые неловкие шаги, угадывать в них что-то талантливое, развивать это, редактируя рукописи, исправляя ошибки, поддерживая. Мы ценили его недостаточно — как не можешь оценить явление, находясь с ним “лицом к лицу”, как не можешь до конца оценить родителей, пока они рядом. Возможность показать любую новую вещь, позвонить по любому поводу, найти понимание и поддержку. Услышать мнение человека, понимающего и тонко чувствующего литературу. Мы привыкли к нему, как привыкаешь к родному дому. А он ушёл, и осталась пустота сиротства.

Он часто критиковал, но делал это, ласково улыбаясь, как будто говоря: ничего, ничего, скоро и сами поймёте. И действительно, время проходило, и оказывалось, что он был во всём прав.

Думаю, нам ещё предстоит осмыслить Александра Казинцева уже не только как человека, но и как крупную фигуру в русской литературе XX–XXI века. Перечитать его статьи и стихи, ещё раз оценить его роль в русском движении, его подвижнический труд на благо литературы, его влияние на творчество и на судьбы многих писателей, которые сейчас застыли в молчании и горе.

Пока же перед нами, как наяву, его тёплый взгляд и добрая улыбка. Пока же произносятся первые слова о нём. Эти слова его учеников и молодых коллег мы и предлагаем читателям.

**Андрей ТИМОФЕЕВ, прозаик, критик,
руководитель Совета молодых литераторов
Союза писателей России**

Елена ТУЛУШЕВА, прозаик (Москва)

Читаю некрологи, новостные колонки — всё как будто слишком сухо, официально, пусто. Наверное, так полагаются: перечисления, достижения, идеолог, борец... Не то. А залезаешь в личные посты в социальных сетях — там, словно на рынке, у кого ярче воспоминание, у кого интереснее: “а мне он...”, “а я с ним...”, “а для меня он...”, “а мой рассказ он...” И пульсирующее раздражение накачивает: почему, зачем они всё про него только через себя? Что это за ярмарка достижений? И только пролистывая в голове трогательные воспоминания совместных встреч, поездок, разговоров, постепенно осознаёшь — ведь он и правда был весь в этой постоянной неуёмной деятельности для кого-то, в этом стремлении успеть помочь... талантливым и ярким, тихим и забытым, старым друзьям или просто порядочным, но едва знакомым людям. И, конечно, помочь молодым и начинающим.

Таких ведь можно по пальцам перечесть — тех из старших, кто улыбается нам искренне, кто болеет за молодую литературу, кто ищет, приводит, публикует, помогает, спорит, ругает и всё-таки снова потом улыбается. Мало таких, кому не жалко места для новых в этом крохотном мире современной русской литературы.

Александр Иванович постоянно ездил по России не только с важными “взрослыми” писательскими делегациями, но и на бесконечные, любых масштабов (будь то русско-китайский или белорусский форум, всероссийские “Липки” или кулуарные уютные “Некрасовские”) молодёжные семинары. Он говорил, что молодёжь заряжает его азартом, энергией, даёт силы. Конечно же, и отнимали мы сил немало — спорящие, горячие, воинствующие, мнящие себя особенными, новыми и непохожими. Он любил наблюдать, когда мы дискутировали, искали аргументы, анализировали. А сам всегда начинал своё критическое выступление словами “Хорошие мои...”. Дальше могло быть что угодно: и доброе, и оценочное, и совсем обезнадёживающее для начинающего автора какой-нибудь саги про вампиров, но всегда очень человеческое обращение к самому автору. В разгар своей речи Александр Иванович мог говорить очень громко, вспыхивал, возмущался, призывал, а потом снова затихал, голос становился мягче, улыбка возвращалась и завершала это послание.

Он умел общаться с людьми абсолютно разного ранга и возраста. Библиотекари и депутаты, генералы и дипломаты, учёные и министры, молодые и те, кому чуть-чуть остаётся до столетия. Александр Иванович признавался, что не умеет общаться только с детьми, поскольку у него нет с ними общих интересов: “Вот когда вырастут и что-то напишут, тогда и поговорим”. При этом всегда внимательный, он помнил имена детей своих знакомых, в письме или в телефонном разговоре передавал “поклон”, а при наших встречах всегда имел припасённую шоколадку для моей дочери. Этим тревожным летом 2020-го я приехала к Александру Ивановичу в редакцию с дочкой. Она со своей детской непосредственностью и открытостью решила тоже что-то подарить в благодарность за все сладости, собрала букетик из клевера, довезла, как ни странно, не растеребив по дороге. Протягивает свой дар, а Александр Иванович вдруг просиял, застеснялся как будто: “Это что, мне?” Вставил в петлицу пиджака, гордо распрямился. Тут уже моя шестилетка расцвела: “Вы так и будете весь день ходить с моим подарком?” И пока он показывал ей сквер на Цветном бульваре, она всё поглядывала, проверяла, а он, не стесняясь, так и шёл с её букетиком на пиджаке. Видела она его всего раза три в жизни, но запомнила очень улыбчивым и приятным.

Удивительно деятельным Александр Иванович был, как будто жил в другом временном ритме. Он не пользовался современными гаджетами, носил телефон, кажется, лишь для того, чтобы в перерыве между встречами или обсуждениями текстов набрать номер своей дорогой супруги, где бы он ни находился, чем бы ни был занят: “Как ты, моя родная?”

Всё остальное он помнил без телефонов и планшетов, отлично удерживая в голове десяток дел, сроки, встречи, обязательства по текстам. Отвечая на звонок городского телефона в редакции, с первых слов собеседника выуживал из памяти детали общих поездок и шуток, отчества и должности, имена жён, чтобы передать привет, названия книг, статей, изданий... Нашему по-

колению, создающему вокруг себя иллюзию сотни дел, подразумевающему под этим просто переписку в десятках чатов ежедневно, нам, наверное, столько вживую переделать будет не под силу, а уж перечитывать столько текстов каждый день...

Стол Александра Ивановича в редакции журнала – это был фактически отдельный кабинет в кабинете: кипы и кипы рукописей, башни из книг, листов и крохотных листочков. Бывало, придёшь, а у него как будто всё подготовлено: вытаскивает осторожно, чтобы не свалить всю стопку, сборник – вот здесь прекрасный рассказ Убогого, посмотрите, как он описывает уход человека, а вот здесь – выуживает предпоследний номер журнала “Берега” – вот здесь я отметил отличную подборку стихов, не читали ещё? И в этом хаосе рабочего стола у всего было своё место, своя роль у каждой записки.

Покойный ректор Литературного института Сергей Николаевич Есин на шанхайском форуме молодых писателей рассказывал, что прочитывает все литературные толстые журналы и литературные газеты ежемесячно, призывая нас делать, как минимум, столько же, чтобы хотя бы просто ориентироваться в литературном процессе. У Александра Ивановича, помимо этой задачи, были ещё и бесконечные тексты, присланные в редакцию, и вереницы рукописей молодых писателей для очередного семинара. И ведь честно читал нас! Ему искренне хотелось найти этих новых, ещё не известных, научить, продвигнуть, опубликовать.

Сотни откликов в интернете, сотни слов благодарности – так много он делал, успевал. При этом внешне неторопливый, спокойный. Как сказал белорусский поэт Анатолий Аврутин: “Как будто скала в море: вокруг него бурлит всё, пенится, а он всё равно стоит крепко, ничем не сломишь”. Мягкая походка, певучая размеренная речь, никаких жёстких линий или стрелок в одежде: шерстяные свитера, бежево-коричневая тёплая цветовая гамма, редкость жестов, разве что его фирменный наклон головы, когда слушал, да ироничная, но светлая улыбка – почти всегда. Никогда нельзя было по этой улыбке точно догадаться, что он сейчас скажет.

“Для меня самое главное – успеть сесть в поезд, я всё время мешкаю перед выходом и опаздываю. А уж как в вагон запрыгну, то дальше мне всё равно – отдаю всю ответственность машинисту, куда он там нас повезёт”. Он и сам был таким поездом для молодой литературы – найти новые имена, собрать их вместе в одном номере, перезнакомить, повести вперёд: к публикациям, к дружбе, к работе на года...

Работать он умел много, призывая и нас к тому же, поторапливая, подталкивая где-то. Когда мы познакомились, я была на первых месяцах беременности. После первой публикации Александр Иванович, окинув меня взглядом, очень серьёзно сказал: “Лена, я вам скидку на материнство не дам. Надо писать, надо обязательно писать, нельзя сейчас останавливаться, вы только начали”. Мне тогда смешной показалась такая серьёзность, отмахнулась, что, мол, и не планирую бросать, уж придумаю что-то, а оказалось, тяжело было не провалиться в эту рутину, однообразие, находить ещё время на такое отдалённое и абстрактное дело, как литература. Он действительно скидок не давал, несмотря на жалобы на недосып, писание урывками, пока качаешь коляску одной ногой, на то, что мир сузился до бытового, простейшего и раздражающего.

Шлешь, бывало, рассказ, в прямом смысле выстраданный – сколько бы часов можно было вместо него поспать! Шлешь с надеждой: хорошо ведь вышло, интересно же! А в ответ тебе разгромное что-то, грохочущее, крупными мазками про высокое в литературе, про идею, про подлинность, про героев... Что ещё страшнее – целые цитаты из твоего текста с негодующими комментариями: “Вот так писать нельзя!” И сидишь, ноешь сама себе, на жизнь сетуешь, что только время потратила, что всё это ни к чему, и нет никакого творческого зерна... А потом проходит пару дней, собираешься, вновь садишься с тоской за текст, работаешь, трудишься. И во второй раз уже получаешь в ответ правки, вопросы уточняющие, крупницы намёков на похвалу.

На похвалу во время работы над текстами Александр Иванович был крайне скуп, на жёсткие замечания – напротив: раздавал их обильно и эмоционально. Порой боялась слать что-то недописанное – резкостью критики сразу желание писать отобьётся. Зато уже после публикации (десяток раз переписанного текста) на добрые слова не только лично, но и при всех Александр

Иванович был удивительно щедр. Иногда даже сидишь, краснеешь, неудобно слушать про себя, меня родители так никогда при ком-то не хвалили. И вот в такие моменты только и понимаешь, для чего были те споры, правки, обиды на резкость, поторапливания.

Мы много говорили и о личном, он охотно делился с молодыми писателями своими воспоминаниями о взрослении, взглядами на страну и семью, на мир и духовность, на политику и литературные события. С какой-то завистью, как о чём-то невозможном, нереалистичном, слушали мы, как Александр Иванович говорит о своей супруге, об их традициях, разговорах, поездках. И веяло от этих рассказов чем-то глубоко русским, духовным, ещё дореволюционным в этом уважении, нежности друг к другу. “Мы с Ниной начали перечитывать Толстого. Сейчас она мне читает его “Севастопольские рассказы” по утрам, потом обсуждаем...” Читать друг другу вслух – это что-то из чёрно-белых и невозможно тёплых рассказов моих родителей про их молодость... И с такой грустью он говорил нам: “Куда же вы, молодые, все расходитесь, разводитесь, как же вы с этим совместным опытом, воспоминаниями лет отрываетесь друг от друга”. С такими людьми, как Александр Иванович, уходит эпоха – они не только по-другому писали, они по-другому жили: иные отношения, иная бережность к людям, культуре, предметам.

Как-то он рассказал, что после смерти отца продолжал с ним вслух разговаривать ещё долгие месяцы, как будто тот всё ещё был рядом. Мне кажется, что многие из нас, его учеников, ещё долго будут по инерции обсуждать что-то с Александром Ивановичем, спрашивать.

Мне так хочется снова с вами поговорить, показать эту статью, поспорить о правках и обязательно потом посмеяться вместе... На столе лежит (конечно же, распечатанная им, а не присланная в цифровом варианте) чёрно-белая фотография с вручения премии имени Лескова. Александр Иванович только что что-то сказал и уступил мне место у микрофона. Мне казалось, неудачный ракурс схвачен: оба улыбаемся, вроде бы и повернуты навстречу друг другу, но в разных плоскостях, я – на переднем плане, стоя у микрофона, а он – на заднем плане. И улыбается он, уходя, так, что мне его уже не видно... Светлая память вам, Александр Иванович.

Юрий ЛУНИН, прозаик (Электросталь)

Начну с короткого предуведомления. В этом тексте я не буду говорить об ушедшем Александре Ивановиче в контексте его вклада в литературный процесс. Во-первых, я ничего не понимаю и никогда не пытался понять в этом процессе и сам никогда не соотносил с ним свою литературную деятельность. “Только не надо этим гордиться”, – любит в таких случаях говорить мой отец. Я и не горжусь, ни в коем случае. Просто это так. Такой я человек. Надо это признать. Во-вторых (и это напрямую связано с первым), я могу судить и говорить о людях, только исходя из личных душевных ощущений, испытанных в общении с ними. В этом случае уже не очень важно, является ли тот или иной человек “большим” или “не очень большим” в своей профессиональной сфере, оставил ли он в ней “значительный” или “малозначительный” след. Мерило одно – моя конкретная жизнь.

Хорошо помню первое – исходящее из одной только внешности – впечатление, произведённое на меня Александром Ивановичем. Это было на Звенигородском форуме молодых писателей (то ли 14-й, то ли 16-й год, не помню – я тогда, к своему стыду, очень сильно пил). Когда я увидел его, мне тут же вспомнился отрывок из книги Леонида Пантелеева “Верую” – тот, где автор вспоминает о Данииле Хармсе.

“ – Каким вы представляете Бога? – спросил меня однажды Даниил Иванович. – Стариком Саваофом, каким его изображают под куполом церквей?

– В детстве – да, представлял таким.

– А я и сейчас именно таким. Краснолицым, с белой пушистой бородой”.

Помню, я так и сказал кому-то про Александра Ивановича в тот день: “Краснолицый Саваоф”. Мне нравился его неизменный детский румянец, напрямую, как мне казалось, говоривший о здоровье, и не только физическом: о спокойном порядке в мыслях, о согласии человека с совестью. Когда я узнал

о его кончине, в голове раньше всяких слов зажёгся, как светофор, именно этот румянец. Зажёгся вопросом: “Как же так? Неужели это была не та *кровь с мо-локом*, которая гарантирует долгую-предолгую жизнь?” Может, именно этот румянец до сих пор не даёт мне по-настоящему осознать, что Александра Ивановича среди нас уже нет.

Это был, как мне кажется, человек жизни и о жизни. Это не значит, что он не думал о смерти. Просто он был *не о ней*. Уход таких о-жизненных людей всегда особенно обескураживает. Понимаешь народное выражение “на-гляя смерть”...

Как завязалось моё личное знакомство с этим замечательным “Стариком Саваофом”?

Насколько я понимаю, завязалось оно через Андрея Тимофеева, которо-му понравились мои тексты и который обратил на них внимание Александра Ивановича. И если в 14-м году, заявляясь на Звенигородский форум, я как-то полунаобум записался в “Октябрь” (с которым в итоге ничего не получи-лось), то в 16-м имел уже своего рода приглашение на семинар “Нашего со-временника”. Я откликнулся.

И не пожалел. До сих пор улыбаюсь при воспоминании об этом контраст-ном тандеме: романтический, взвихрённый, какой-то бетховенско-гофманов-ский и как-то не жутко, а весело пугающий Куняев в чёрной рубашке с рас-стёгнутым воротом – и румяный “Старик Саваоф” Казинцев с его негромкой речью, которую можно было слушать и слушать и которую я несколько раз пы-тался, но так и не смог дружески спародировать. Не смог, видимо, оттого, что пародия, как правило, опирается на некие слабости оригинала, на те мо-менты, в которых оригинал объективно смешон, а Казинцев не был смешон. Он обладал замечательным чувством юмора, но смешон не был. В его словах была сила, а силу спародировать сложно.

Внутри и вокруг этого живописного тандема рождалось необходимое творческое электричество. И ничем “консервным”, “законсервированным” (что тянется по коннотации за словом “консервативный”) на семинаре “НС” не пахло. Было хорошо и свежо. Было о литературе, о жизни.

Я сказал, что никак не соотношу себя с литпроцессом. Теперь я должен буду немного себя опровергнуть. У меня такое часто бывает. Признаюсь, ино-гда моя волей-неволей окрепшая связь с “Нашим современником” казалась мне чем-то вроде печати на лбу. Как, например, и моё вечно заочное нахож-дение в рядах “новых традиционалистов”, запротоколированное лёгкой рукой Андрея Тимофеева (как ты понимаешь, Андрей, всё это говорится любя). Ни идейным приверженцем “НС” (как и любого другого издания), ни “новым традиционалистом” я себя никогда не чувствовал и помню, что, говоря с кем-нибудь на эту тему, иной раз как бы оправдывался: “Без меня меня женили”. Что поделаешь – хочется иногда, чтобы твои рассказы воспринимались как странные, какие-то андеграундные, трудноопределимые, “для всех и для ни-кого”. А тут – “новый традиционалист”!

В то же время, когда что-нибудь слишком уж иронизировал (или, лучше сказать, выражал слишком горячее соболезнование) по поводу “нового тра-диционалиста Юрия Лунина”, которого захомотал журнал, я уже не склонен был оправдываться и всегда говорил: “Что бы там ни было – для меня это, прежде всего, люди, которые меня поняли и полюбили. Они, а не кто-то дру-гой, сказали мне слова, укрепившие меня в том, что у меня действительно есть писательский талант и мне надо продолжать писать”. Александр Ивано-вич занимал среди этих людей важнейшее место.

В одном из писем я написал ему что-то вроде... хотя лучше подниму пе-реписку и приведу, как было. Вот, нашёл: “Пожалуй, Вы единственный стар-ший человек, с которым у меня получился неформальный разговор”. Это дей-ствительно так.

Быть может, в силу воспитания, а может, ещё по каким-то причинам, но я никогда не мог позволить себе запросто – то есть естественно и прямо – об-щаться со старшими людьми. В особенности людьми литературы. К примеру, Александр Евсеевич Рекемчук, чей творческий семинар я посещал в Литинсти-туте, несколько раз, как мне кажется, давал мне почувствовать, что готов к чуть более личному и доверительному, чем на семинарах, диалогу со мной, но я, к сожалению, так и не смог начать этот диалог. Я боялся, что с моей сто-роны это будет выглядеть как непочтение, фамильярность. Что я не знаю ка-

кого-то особого языка, необходимого, чтобы говорить с мастером на равных.

Александр Иванович Казинцев каким-то образом сумел разрушить во мне эту возрастную преграду. Я спокойно говорил с ним на своём обычном языке, разве что в моих словах и мыслях обнаруживалось какое-то особенное, обретенное в самый момент разговора достоинство, самоуважение. Разговор с Казинцевым всегда делал честь. Облагораживал. Притом что позволял и не расшаркиваться.

В конце другого письма, в котором я неожиданно поведал Александру Ивановичу кое о чём глубоко сокровенном, хотя изначально намеревался всего лишь обсудить какой-то момент по поводу очередной публикации, я написал: “Вот видите, какой Вы человек, Александр Иванович. Даже не вижу Вас, а одно понимание, что Вы – мой адресат, уже рождает во мне какую-то особую доверительность, желание рассказать себя”.

Он звонил мне чаще, чем я ему. И я бы, наверно, звонил не реже, если б не тяготился тем, что придётся в очередной раз разочаровывать его, докладывая об отсутствии новой прозы. Видно, всё-таки не до конца я преодолел в себе какие-то преграды. Сейчас понимаю: не надо было тяготиться, а надо было звонить. Спросить о здоровье, признаться в любви – слушая собственный улучшенный голос.

Дмитрий ФИЛИППОВ, прозаик (Санкт-Петербург)

Я вспоминаю. Заходишь в редакцию “Нашего современника”, поднимаешься на второй этаж, потом налево, центральная приёмная. Перед тобой маленький столик с книгами по смешным ценам. Таких цен в книжных магазинах давно нет. И книг таких там нет. Бери любую – нетленка.

Крайний слева – кабинет Александра Ивановича.

Каждый свой приезд в Москву я старался найти время, хоть полчаса, чтобы зайти в редакцию и поздороваться с Казинцевым. Это был ритуал. Он мягко жал мне руку, смотрел с “ленинской” хитринкой и спрашивал: “Ну, что, Дмитрий, когда пришлешь новый рассказ?”

Вопрос был риторическим, и мы оба об этом знали. Потому что ни у меня, ни у кого другого не было индульгенции в отделе прозы. Пришлешь рассказ – молодец, но мы ещё посмотрим, публиковать или нет. И не публиковали, бывало. И обижался. Но на Александра Ивановича нельзя было долго обижаться.

Надо проговорить это вслух. Он первый в “толстых” журналах начал работать с молодыми авторами. Молодёжные августовские номера неофитов – это его заслуга. И только потом эстафету подхватил “Октябрь”, почивший в бозе, и остальные “толстяки”. Но первым был “Наш современник”. Я и сам такой же неофит, которого Казинцев когда-то заметил среди туманного и разухабистого угара “Липок”.

Каждый приезд – особенный. Александр Иванович не предлагает выпить чаю, а тут же нагружает работой:

- Вот, рукопись прислали, посмотри.
- Александр Иванович, ну, я же на минутку...
- Ничего, ничего, посиди, почитай.

Уходит. Оставляет тебя с рукописью. Читаешь. Потом разговоры о тексте. Никогда не говорит, кто прислал.

- Зачем тебе имя? У тебя есть текст, вот его и пробуй на вкус.

Мне казалось, что этот человек никогда не умрёт, как не может умереть отец. Ну, он же есть, он всегда рядом, ты с ним не видишься по полгода, но знаешь, что он где-то есть, и от этого знания тебе просто спокойно. Ты всегда можешь написать, позвонить, что-то обсудить. Почти никогда не звонишь и не пишешь, но ведь есть сама возможность! И тебя это успокаивает. Система координат цельна и нерушима. А потом тебе звонят и говорят: “Дима, Казинцев умер”. Как табуретку из-под ног выбили.

В 2013-м или 2014 году он заметил меня, молодого и глупого, на семинаре в “Липках”. Возвращались обратно в Москву автобусами, он сел сзади меня, как всегда спокойный и умиротворённый. Внезапно автобус наполнился весельем, гамом, ввалилась компания мастеров одного “толстого” поэтического журнала. И главред этого журнала, поравнявшись с креслом Александра

Ивановича, увидев стопроцентного мастера, пьяненько и по-свойски спросил:

– С вами можно?

– Нет, со мной нельзя, – ответил Казинцев.

Главред опешил, но попытался выйти из этой неудобной ситуации. Спросил утвердительно:

– У вас, наверное, занято.

– Нет, у меня не занято.

Повисла долгая пауза. Не два редактора – два полюса смотрели друг другу в глаза. Даже в воздухе что-то скрипнуло. После этого главред молча сглотнул и прошаркал вглубь автобуса.

Я таким и запомню Александра Ивановича: спокойным, интеллигентным, непримиримым к пошлости и бездарности. Пошлости он не терпел, не подпускал к себе на пушечный выстрел.

Как-то всё дальше без него будет идти. Как – не представляю...

Ирина МИХАЙЛОВА, прозаик (Люберцы)

С Александром Ивановичем Казинцевым мы знакомились три раза. Первый – заочно, через Бориса Николаевича Тарасова, бывшего ректора Литературного института, когда тот порекомендовал мой рассказ для публикации в журнал “Наш современник”. Помню, как Борис Николаевич спросил меня: “Знаете ли вы Александра Ивановича? Дайте ему свой рассказ для молодёжного номера”. Александра Ивановича я тогда не знала, хотя о “Нашем современнике”, конечно, слышала. Но мне всегда казалось, что опубликоваться в таком журнале почти невозможно – слишком серьёзный и неподъёмный он для меня. Борис Николаевич дал мне телефон Казинцева и просил позвонить ему как можно скорее. Звонить я боялась. Наверное, на первом курсе института я бы позвонила, не раздумывая. Тогда была какая-то смелость, которая сродни наглости – хорошей, заставляющей двигаться вперёд. Сейчас она исчезла, и звонить заместителю главного редактора, рекомендоваться, просить прочитать свой рассказ я не решалась целый день – думала, как начать разговор, как представиться, что говорить. Но вечером всё же позвонила... после рабочего дня, и не сразу обратила внимание на позднее время. Александр Иванович ответил быстро, выслушал меня и попросил прислать рассказ. Я уже не помню, что именно я говорила, помню только, что волновалась, перепутала его отчество и, кажется, забыла поблагодарить и попрощаться. Любой другой редактор, наверное, после такого первого разговора не дал бы шанс на второй. Но то ли Александр Иванович не обратил на всё это внимания, то ли понял и оправдал моё волнение, однако уже через месяц вышел молодёжный номер журнала с моей первой серьёзной публикацией. Всё оказалось просто. И эта простота, с которой со мной, начинающим писателем, говорил такой человек, внушала уверенность в своих силах.

Александр Иванович всегда говорил со мной уважительно, как будто мы коллеги, как будто мы на равных. Мне и раньше доводилось общаться с редакторами журналов, куда я приносила на рассмотрение свои рассказы, но всегда чувствовала напряжение, словно я просила того, чего мне пока не полагалось по статусу. В разговоре с Александром Ивановичем такого не было. Было ощущение, словно разговариваешь со знакомым, которого давно знаешь. Лёгкость, обходительность и уважение, наверное, сразу и привлекли меня. В момент, когда ты не уверен в себе, просто необходима такая поддержка. Я чувствовала её во всё время нашего, к сожалению, недолгого знакомства – почти три года.

Второе наше знакомство состоялось ровно через год. Александр Иванович позвонил мне на этот раз сам и сказал, что берёт мою повесть в журнал. Я отправила текст на общую редакторскую почту, ни на что особенно не надеясь, и каким-то чудом его выдернули из общего потока рукописей. Он тогда позвонил и спросил просто: “Это Казинцев. Помните такого?” Конечно, я помнила. И не только потому, что он помог мне с публикацией. Что-то было в нём, что заставляло помнить, – мягкость, доброжелательность. У меня сохранились письма от Александра Ивановича. Недавно я пересматривала их: они короткие, по существу, всегда начинаются со слов “Дорогая Ирина”. Так в письмах ко мне обращался только Александр Евсеевич Рекемчук – мой ма-

стер по семинару Литературного института. Сейчас, когда ни моего мастера, ни Александра Ивановича больше нет, я смотрю на эти письма и чувствую поддержку. Забыть такое уже невозможно.

Но основательно мы познакомились уже на Форуме молодых писателей в 2019 году. Тогда Форум проходил в Ульяновске, я была на этом мероприятии первый раз, но страшно не было, потому что я выбрала семинар “Нашего современника” и знала, что там царит рабочая, но дружественная атмосфера. Во многом её создавал Александр Иванович – своим присутствием, отношением к участникам, к рукописям. Он всегда вначале давал слово нам. Иногда мы говорили долго, но нас никто не перебивал, не останавливал, Александру Ивановичу нравилось слушать нас. Возможно, он находил что-то и для себя в наших словах, что-то новое, важное. И это тоже было его удивительное качество – он учился у нас точно так же, как мы учились у него. Это были равноправные отношения, которые двигали вперёд и нас, и его. Я абсолютно уверена, что только в таких отношениях и можно что-то построить.

Запомнилось мне и наше неформальное общение после семинара, когда мы говорили о том, что такое настоящая литература. Честная? Искренняя? Обращённая к человеку? Созидающая? Наверное, всё вместе. Как говорил Александр Иванович на семинарах: “Это хорошая основа для художественности”. Основа. Вот что он для меня значил – основа, на которую можно опереться. И мне никогда после окончания института не было так спокойно.

Потом, уже в 2020 году была короткая переписка по поводу моей новой повести. Её не взяли в журнал, за что я тоже благодарна Александру Ивановичу: повесть сырая и совершенно не готова к публикации. Он опять оказался прав – необходимо работать. Работать на износ, если хочешь, чтобы хоть что-то получилось. Наверное, он и сам так работал. Даже в этот страшный год, когда многие поставили свою жизнь на паузу, он не остановился. Семинары, встречи, съезды, форумы... Он просто не мог иначе. Это была огромная, очень значимая часть его жизни. Потребность двигаться вперёд, постоянно развиваться. На моём пути должен был встретиться такой человек, как Александр Иванович: принципиальный, предельно тактичный, думающий, прежде всего, о тех, кому нужна поддержка и помощь. Он появился именно в тот момент, когда такая поддержка была мне необходима. И это не только помощь в публикациях, мне нужно было с чего-то начать свой путь. Если бы не Александр Иванович, я бы так и продолжала топтаться на одном месте.

В последнем его письме, адресованном мне, я читаю: “Умница. Всё правильно сделала”. Я не знаю, так ли это. Правильно ли я поступала, о том и так ли писала, верный ли выбирала путь. Но я уверена в одном: поддержку Александра Ивановича я чувствую до сих пор. Сейчас я опять, как и в 2018 году, стою на очередном перекрёстке, но Александра Ивановича больше нет. И эта пустота уже не заполнится. Терять людей тяжело, а терять их так неожиданно, когда ещё не обо всём поговорили, не всё обсудили, не все планы реализовали, ещё тяжело.

Наверное, единственное, что я могу сделать, – это работать дальше. Воплощать то гуманистическое начало, о котором мы часто говорили. Думать о человеке, писать о том, что происходит сейчас. Идти своей дорогой. И помнить тех, кто шёл рядом, хоть и не так долго, как хотелось бы.

Вечная память Александру Ивановичу Казинцеву. Ведь человек жив до тех пор, пока в него верят и пока о нём помнят.

Платон БЕСЕДИН, прозаик и публицист (Севастополь)

С Александром Казинцевым мы познакомились на Форуме молодых писателей в Липках. Конечно, я знал, кто это такой, и до того момента, смотрел восхищённо, но полноценного разговора у нас с ним не случалось. Тут же ко мне подошёл благообразный седовласый господин с молодым фруктовым румянцем на щеках и, дыша паром (дело происходило на улице, под соснами лежал снег), умиротворённо сказал:

– Платон, я слышал, у вас хорошие рассказы...

Я смутился, ясное дело. А как иначе? Что-то ляпнул в ответ. Но разговор, вопреки моей угловатости, вдруг завязался, стал чем-то обязательным и естественным. И мы отправились гулять с Александром Ивановичем по засне-

женному парку. Всё как-то быстро срослось, устроилось. Я в принципе такой: чувствую сразу — мой человек или нет. К Александру Ивановичу тянуло, как пишут плохие авторы, словно магнитом. Сам Казинцев такого штампа однозначно бы не одобрил — он был справедлив и строг на “липкинских” разборах, но вместе с тем всегда защищал того (из милосердия, прежде всего, дабы не оказалось совсем горько на душе критикуемого), на кого набрасывались остальные. Собственно, о литературной критике мы и беседовали в ту первую нашу прогулку.

Со временем они стали постоянными.

— Пройдёмся? — спрашивал я его.

А он охотно соглашался. И мы гуляли. По волглому пансионату в Листвянке, по душному Краснодару, по промозглому Санкт-Петербургу — много где. Я старался идти рядом, поначалу относясь к нему с трепетным восхищением (так смотрят подростки на рок-кумиров), но со временем уже с товарищеским братством.

Говорили мы, конечно, в основном, о политике. И меньше — вот что странно — о литературе. А если и затрагивали её, то, главным образом, в контексте молодых писателей. Собственно, я ведь тоже так и попал в круг Александра Казинцева. Его радушное, почти отцовское отношение к молодым было удивительно ласковым и дальновидным. Он, пожалуй, верил, что именно 30-летние и те, кто младше, способны принести решительные перемены. Не только в литературу — в мир.

Казинцев собрал вокруг себя, вокруг “Нашего современника” тех молодых авторов, которые должны были стать, если угодно, ударной группой. Не знаю, удастся ли это им в итоге. Почему им, а не нам? Я всегда держался, как говорят, особняком. Не из-за высокомерия или превосходства, нет — скорее, из-за стеснения. А ударная группа меж тем росла: Андрей Тимофеев, Елена Тулушева (любимица, чего уж скрывать), Юрий Лунин, Андрей Антипин, Марина Перова и множество других. Дай Бог, всё у них получится. Так или иначе, Александр Иванович приложил для этого все необходимые усилия — и даже больше.

Он был, конечно, выдающимся подвижником, в том числе и в работе с молодыми авторами. Уверен, что если появится новая премия, то назвать её необходимо именем Александра Казинцева. И давал бы я её, прежде всего, молодым (до 35 лет) литературным критикам и публицистам.

Много мы беседовали и о религии. Редко у кого я встречал столь глубинное понимание Православия, как это было у Александра Ивановича. Он объяснял очень тонкие, возвышенные материи заботливо и доступно. И на душе становилось радостнее. Казинцев вообще умел дарить, знал, какое это чувство — радость. Впрочем, о наших православных беседах тут говорить не стану. Вспомню лишь один эпизод. В тот день, когда Александр Иванович подошёл ко мне после прогулки на ужине, мы, сев за один стол, одновременно перевернулись перед приёмом пищи — и тут же тепло друг с другом переглянулись. С пониманием, как единомышленники.

Благодатная картина получается? Ну, так он был мудрейший, тактичный человек. Из другой эпохи, не иначе. Что, впрочем, не мешало нам спорить — и делать это регулярно. Я наваливался пламенно, рьяно, точно булавой размахивал, а он отвечал иронично, тонко, будто делая изящные выпады шпагой. Кстати, что-то мушкетёрское было в его облике, не правда ли? Не только благообразное, как у старца, — кто-то о нём так отзывался: “благообразный старец”. Помню, меня это ещё резануло. Какой старец? Молодого — и молодецкого даже — в Александре Ивановиче хватало.

Этот его несравненный — рапирный — взгляд. Одна только высеченная искра, но её хватало, чтобы зажечь собеседника или, наоборот, спалить оппонента. Когда Казинцев бывал не согласен, то в глазах его мелькала это ироничное, чуть колкое и вместе с тем добродушное выражение. Мол, я знаю чуть больше — и козыри у меня припасены. Но всё это без какой-либо навязчивости или тем более тщеславия. Тут мне вспоминается известная история — она, мне видится, применима к *modus operandi* и *modus vivendi* Александра Ивановича — из китайской то ли истории, то ли мифологии. Когда у Конфуция спросили: “Скажи, учитель, можно ли прожить жизнь, руководствуясь одним словом?” — мудрец ответил: “Да, такое слово есть. И слово это “снисходительность”. Умение понимать и принимать человека, несмотря на все его не-

достатки — великое достижение.

Тут, впрочем, важно не путать снисходительность со всеогласием. Это явление — совсем из другой области. К Александру Ивановичу соглашательство не применимо ни в коей мере. Я мало видел людей столь увлечённых, принципиальных, умеющих мягко, но вместе с тем последовательно отстаивать собственные убеждения. И ведь Казинцев, будем честны, пожертвовал ради них многим. Сколько литераторов, мыслителей пусть и на мгновение (а некоторые используют сию практику регулярно) становились подобны флюгеру, но только не Александр Иванович. Тот был верен своим идеалам всегда. Да, воззрения его, как у человека разумного, мыслящего, развивающегося, модифицировались в зависимости от получаемых впечатлений и знаний, однако ключевое — то самое ядро — оставалось неизменным и тщательно им оберегалось.

Александр Иванович, как никто другой, умел решительно отстаивать свою позицию, говоря настолько убедительно, что несогласные порою колыхались, точно от порывов ветра. Он был блестящим полемистом, преобразавшимся перед публикой, — из спокойного господина Казинцев превращался в огненного великана, готового биться за соль земли. Помню, к примеру, как на Лихоносовских чтениях (это, к слову, была наша последняя встреча) Александр Иванович, пламенея, выступал перед молодыми, говоря о важности самоорганизации, о переменах, которые назрели. И тогда я имел дерзость спорить с ним, а он отвечал жёстко — в общем, сцепились. Мне до сих пор кажется, что мы так и не поняли друг друга по-настоящему, а объяснить толком затем не сумели.

Александр Иванович вообще любил это слово — “боец”. Просил стойкости от остальных, но, прежде всего, требовал её от самого себя. Он снова и снова доказывал, что настоящий боец — не тот, кто машет кулаками, бросая яростные лозунги, а тот, кто несгибаем внутри, кто готов отстаивать свои взгляды до последнего и вместе с тем признавать ошибки. Нельзя уступать ни пяди своих идеалов. Нельзя равнодушно наблюдать за происходящим. Александр Иванович учил молодых (впрочем, тут скорее мне правильнее говорить за себя) не столько литературному мастерству даже, сколько желанию и смелости отстаивать человеческое достоинство. И при этом не костенеть, не вязнуть в топи обыденности.

Он ведь сам прошёл удивительную эволюцию от поэта с довольно-таки либеральными взглядами до истинного патриота из журнала “Наш современник”. Его стихи — я перечитывал их на днях — удивительно нежные и мудрые в своих глубинных касаниях (понимаю, что не все могут воспринять данную формулировку). Но это именно лёгкость настоящего — когда возвышенное не прячут за нагромождениями, требуя инициации, но, наоборот, стараются сделать максимально доступным; достаточно лишь уметь слышать сердцем или пытаться уметь, впрочем, подчас это и есть самое трудное.

А вот полемистом, публицистом Казинцев был во многом другим. Тут правила стихия огня, но опять же не разрушительная, а согревающая. Не самый свежий и тонкий образ я сейчас, возможно, использую, пусть Борхес и писал, что банальности самые точные вещи на свете, но, согласитесь, в Александре Ивановиче было многое от Прометея, несущего огонь людям. И, повторяю, ради этого он жертвовал многим.

Ещё одно научение от Казинцева — это быть готовым к тому, что если ты ищешь правду и не желаешь примыкать ни к одному из лагерей, примыкать до растворения в них, то будь готов страдать за свои убеждения, терпи. Его самого обвиняли во многом лишь потому, что он не желал вписываться ни в какие схемы. Слишком “левый” для “правых”, слишком “правый” для “левых”. Истинный патриот, но не из тех, кто за деньги, кто подобоострастен, а патриот настоящий, пламенный, за Родину, за народ, а не за власть бьющийся. “Патриот” вообще очень важное слово для понимания роли Александра Казинцева в истории.

Александр Иванович всегда оставался абсолютно самодостаточной фигурой, точно русский остров, к которому ещё предстоит навести мосты. Но ведь он и сам настойчиво предлагал строить их. Одним из первых и ярче многих Александр Иванович заговорил о необходимости из “двух великих культур сделать одну” и стал удивительной по своей отваге и масштабу фигурой в бесконечном споре славянофилов и западников. Наверное, в идеальных услови-

ях, в мире правильном, а не вывихнутом, Казинцев оказался бы не просто мостом, примирителем, но своего рода проводником для синергии нового свойства, которая объединила бы в себе лучшее. Но то – в идеальном мире. А в реальном Казинцеву приходилось отстаивать даже самую возможность того, чтобы давать не чёрно-белый, а цветной взгляд, не сводя его к замшелым банальностям и скучным лозунгам.

Непростительно мало издано его книг, но достаточно статей, которые, безусловно, необходимо объединить и издать несколькими томами, чтобы изучать их тщательно и глубоко – штудировать, не иначе. Ведь Александр Иванович был визионер, который меж тем, по аналогии с его известной статьёй, играл не на понижение, а только на повышение. Он задавал новые стандарты для русской литературы, которые, к сожалению, одним виделись слишком “правыми”, другим – слишком “левыми” (хотя тут можно использовать любые иные антитезы). Но именно это и изумляло меня в нём – умение примирять, сочетать, объединять и создавать в конечном счёте идеальный сплав наивысшей духовной и социокультурной пробы.

Однако при всей его многогранности имелось то, что характеризовало его наиболее полно: Александр Казинцев был русским мыслителем. Вот что важно. И это не вопреки многогранности, а как раз-таки благодаря ей, потому что подлинно русское подобно тканому ковру, органично сочетающему в себе самые разные элементы, соединённые одним могучим талантом. Русский – это когда ищешь и отстаиваешь правду, правду как истину и как справедливость. Русский – это когда возвышаешься через очищающее страдание, но не упиваешься им. Таких людей в истории, на самом деле, было совсем немного. Александр Иванович Казинцев стал одним из них.

И дай Бог, чтобы семена, посаженные им, в итоге всё-таки проросли. Потому что тогда у России есть будущее. То будущее, в основе которого будут великая традиция и самоорганизация талантливых людей, как и желал того Александр Казинцев.

Кристина КАРМАЛИТА, поэт (Новосибирск)

*Стихи повалятся, повалятся,
как снег в сибирском феврале,
и Александр Иваныч отправится...*

Хуже недописанных стихов только неотправленные письма. Это стихотворение я нашла в черновиках переписки за 2018 год. Куда отправится Александр Иванович? Теперь уже и не вспомнить. . .

Память – своенравная дамочка – зачастую хранит пустяки и выбрасывает важные вещи. Во всяком случае, моя. Я борюсь с ней так много лет и теперь уже точно могу сказать: она победила. И так, празднуя победу, память снисходительно подкидывает мне некоторые картины, чтобы уж совсем я не потеряла себя – такой расклад и ей не сулит ничего хорошего.

Одной из таких “подкинутых” картин является картина знакомства с Александром Ивановичем Казинцевым. Как бы уберечься во всех этих воспоминаниях о другом человеке – от воспоминаний о себе? Никак не получится. Но ты, читатель, имей в виду, что “и это всё о нём”.

В 2015 году судьба устроила меня на Советствие молодых писателей Сибири, Урала и Дальнего Востока – первое и последнее советствие под таким названием, проведённое фондом Сергея Филатова на базе отдыха под Томском. Это был мой первый “липкинский” опыт, довольно сильно изменивший дальнейший ход жизни. Но перемены не приходят сами по себе – их приводят или события, или другие люди.

Ничего, в общем, не предвещало мне знакомства с Александром Ивановичем, кроме того, что мы находились в одном пространстве и времени. Он вёл один семинар поэзии, я участвовала в другом. С половиной людей, собравшихся тогда на базе, я до сих пор так и не знакома лично.

– Кто это? – спросила я через пару дней у своего товарища Антона Метелькова.

– Казинцев, наш руководитель.

– Почему он на меня так смотрит?

— Он на всех так смотрит.

На всех, так на всех — успокоилась я, но на всякий случай старалась меньше попадаться на глаза Деду Морозу в белом костюме — белая борода, округлое румяное лицо, неизменная улыбка, добрый, чуть грустный и одновременно лукавый взгляд — внешность Александра Ивановича не оставляла вариантов для прозвища.

Номер не вышел, вернее, его номер вышел где-то на одном этаже со мной, так что мы неминуемо столкнулись вечером у кулера.

“Что же это он опять смотрит и улыбается, надо бы что-нибудь выкинуть”.

Улыбающиеся мне незнакомые люди почему-то всегда вызвали желание схулиганить или, по крайней мере, переглядеть их улыбку непроницаемым лицом злого бегемота. Так мы познакомились с бывшим мужем.

— А вы пойдёте слушать талантливых молодых поэтов? — сказала я и тут же смутилась своей наглости.

Шутку надо понять. По вечерам проходило поэтическое мероприятие, в котором соревновались участники совещания. Я была одним из них и, конечно, выступала со всеми. Никаким, Боже правый, талантливым поэтом я себя сроду не называла, но Александр Иванович так улыбался, что мне захотелось повыделываться. Думаю, однако, что всё это было только в моей голове.

— Нет, слушать не пойду, но вот если вы принесёте мне распечатку своих стихов, с удовольствием прочту.

— Почему же с удовольствием, может, у меня плохие стихи.

— Не думаю. У вас небанальное лицо.

На этом пластинка съехала, я залепетала что-то о том, что “обязательно — завтра, правда, распечатки у меня нет, но я найду, придумаю, смастерю принтер... а сейчас надо идти, доброй ночи, прекрасного утра, хорошего завтрака...” — долго ещё какое-то бормотание бродило в моей голове, а перед глазами стоял спокойный молчаливый улыбающийся совершенно не известный мне человек.

Что здесь, собственно, такого? Велика важность — попросил почитать стихи. Во-первых, это был первый и единственный в последующие пять лет участия в различных совещаниях представитель руководителей семинаров, который сам — не то, что будучи знакомым, даже не зная моего имени, — попросил тексты.

А во-вторых, конечно, в том была большая доля провинциальности моего сознания: москвич, руководитель — где он и где никому не известная девушка из... к стати, откуда я, он также не имел понятия. Да это и не волновало Александра Ивановича — кто и откуда. Потому что кем-то для него человек становился не благодаря своему происхождению или званию, а благодаря собственному особому взгляду Александра Ивановича, видевшему что-то своё, чего, может, и не было вовсе, но, как известно, красота в глазах смотрящего.

Так, по крайней мере, мне думается — по размышлению об этой и других подобных историях, которые посыпались по “Фейсбуку” после трагического известия седьмого декабря: “Александр Иванович был первым, кто меня напечатал, когда я никому не был нужен”; “Александр Иванович много для меня сделал”; “Александр Иванович очень помог”...

В той же переписке 2018 года, в которой я писала и не дописала шуточное стихотворение о нём и ему, мы решали важную проблему: как выставить на сайт журнала “Сибирские огни” электронную версию книги Елены Тулушевой “Первенец”. Что-то было не то с форматом PDF, текст в книге не хотел ни быть русским, ни стоять в строке. Александр Иванович пересылал мои письма верстальщику, потом от него обратно мне. Когда книга была выставлена, он заметил, что заглавие публикации таково, что её трудно будет найти по поиску — снова письма, просьбы исправить, проверка, благодарность...

Уходило его время, силы, мысли сбивались всей этой суетой — не знаю даже, знал ли сам автор о том, как о нём хлопчут и переживают. Через полгода мы встретились в Кемерово, и Александр Иванович подарил мне бумажный вариант книги Елены с предложением написать на основе какого-нибудь рассказа сценарий или пьесу. А ещё через полгода интересовался, какова статистика просмотров публикации “Первенца” на сайте.

Не сказать или сделать — и забыть, а постоянно вести человека, в кото-

рого он верит, искать для него новые возможности, держать руку на пульсе. При некоторой патетичной манере высказывания, Александр Иванович, как мне кажется, не был пафосен, поэтому и я не буду ударяться в эту область, а вернусь в прошлое, в переломный для меня 2015 год.

Можно было решить, что незнакомый человек попросил стихи из вежливости или неловкости ситуации, когда тебя куда-то зовут, а ты отказываешься и хочешь сгладить свой отказ другим согласием. В общем, я тихонько про себя так и решила и, вернувшись в Новосибирск, воспользовалась своей короткой памятью и быстренько обо всём забыла. Но у Александра Ивановича память была длиннее и крепче. Да и вообще, дело было не в памяти.

– Это Кристина Кармалита?

По особой манере речи я, конечно, сразу догадалась, кто мне звонит.

– А это Александр Иванович?

– Звоню порадовать вас, вы – в списке участников “Липок”, поздравляю! Антон тоже, но ему пока не говорите, это секрет.

Стихи Александру Ивановичу понравились, он опубликовал их в ближайшем молодёжном номере “Нашего современника”, рекомендовал меня на молодёжную премию журнала. Дальше было ещё много разных рекомендаций, более или менее успешных, упоминаний моей фамилии при всяком удобном случае (из письма А. К. 2015 года: “Я говорил о Вас и просил запомнить Ваше имя”), пятилетняя переписка с постоянной просьбой присылать стихи, редкие, но очень тёплые встречи в разных городах России.

Но всё это – лишь частный случай большой работы и заботы Александра Ивановича о литературной молодёжи – зачастую дезориентированной, чувствующей себя потерянной и ненужной. Не случайно именно Андрей Тимофеев, которого Александр Иванович очень высоко ценил (из письма А. К. 2015 года: “Надеюсь, у меня в этом году будет хороший семинар, не зря я всё лето отбирал молодых авторов. Правда, лучший из них – Андрей Тимофеев – приехать не сможет”), возглавил первую на постсоветском пространстве организацию, ставящую своей задачей поддержку и продвижение молодой литературы. Большое начинается с малого и, как мне кажется, не без участия Александра Ивановича заварилась эта густая каша молодёжного движения – не обязательно личного участия, но опосредованного всей его многолетней деятельностью по собиранию и сопровождению молодых авторов.

Портрет получился довольно благостным, а между тем – “широк человек”, и как бы не показался Александр Иванович слишком узким в моих воспоминаниях. Но что делать – мне повезло узнать лишь лучшую его сторону. Однако ничто не расскажет о человеке так хорошо, как он сам. Поэтому позволю себе процитировать некоторые выдержки из писем Александра Ивановича ко мне, в которых хорошо видно, что его добрый портрет не был скучен. По прочтении обнаружила (а так и не задумывалась, увы), что он был единственным человеком, которому я регулярно в течение пяти лет отправляла все свои новые стихи.

“Дорогая Кристина!

Читаю Вас в унынии и скорби.

Как это Вас не будет на моём семинаре?! Да что же это деется? Я так рассчитывал на Вас. Скажу честно, не только на Вас, но и на замечательного прозаика Андрея Тимофеева... На талантливейшего прозаика Андрея Антипина... Тут и Метельков отписал: “Пока денег нету”. И с кем же я останусь? И зачем же я всё лето мотался по форумам молодых, искал таланты для Липкинского – самого главного – совещания?

Нет уж. Будьте добры. Хоть на один день, но приезжайте. Я Вам семинар покажу, а Вас семинару. Погоржусь: вот какие таланты в Сибири водятся!”

“В России издавна повелось, что уважают своего только тогда, когда его уважили иностранцы”.

“Простите, что не ответил сразу. Был в Краснодаре, где проходила Конференция, посвящённая выдающемуся русскому публицисту и политическому деятелю (это в советское-то время!) Юрию Селезнёву. Я вывез туда двух моих учеников – прозаиков Тимофеева и Тулушеву. Делали доклады они, делали доклады о них, потом я спорил со всеми. На следующий день мы выехали на мо-

ре – катались на яхте, они плавали, а я грустно сидел один и ко мне подходил классик современной литературы Виктор Иванович Лихоносов и каждый раз поднимал бокал со словами: “За Ваше одиночество, Александр Иванович”.

Это была его маленькая месть за мой спор с ним по поводу молодых. Представьте, Кристина, не читая произведения, вообще не имея представления об этих авторах, только по докладу Виктор Иванович вынес вердикт: молодые копаются в грязи, он их читать не будет и другим не советует. Ну, пришлось поспорить с классиком. Я превознёс его достоинства и интуицию, но не без ехидства заметил, что даже самый чуткий человек не может судить о произведении, которого он не читал! Виктору Ивановичу пришлось извиниться, но месть, как оказалось, он затаил”.

“Стихи прочитал с удовольствием. Как и все Ваши. Хотя начинаю побаиваться кармалитазависимости. Или как это сказать точнее? Всё действительно здорово. Но временами во мне просыпается задущенный 30 лет назад критик. Он сомневается: не слишком ли легко так писать? Поймала интонацию, драйв, окутала всё это блестящей кисеей непонятности – и готово, пожалуйста! Есть ли за этим завораживающим покровом человеческая глубина? Больше всего мне понравилось стихотворение “В этом мире волооком”. Там человек точно есть. Об остальных стихах предоставляю думать автору. Кто же, как не он, знает свои творения”.

“Будьте покойны: человеческая глубина – это художественная категория, она присутствует в тексте и может быть идентифицирована. Она не разгуливает сама по себе по Невскому проспекту. И от Вас не убежит”.

“С удовольствием буду читать Ваши новые стихи и просто рассуждения о погоде в Москве и Новосибирске. Приятно знать, что у кого-то погода хуже, чем у тебя!”

“Вы говорите: “Стихи не пишутся”, – а сами только что написали стихотворение в прозе “О стрижах”. Бросьте хандрить, погуляйте и начинайте нащёптывать в такт шагам. Не знаю, как у Вас, а у меня именно так всё и пишется”.

Формула простая, но так просто применить её не удаётся, и недописанное стихотворение в неотправленном письме Александру Ивановичу никак не двигается дальше трюеточия. Но в этом нет особой беды, настоящая беда в том, что письмо уже никогда не сможет быть отправлено адресату.

Яна САФРОНОВА, критик (Москва)

Последней рабочей поездкой Александра Ивановича стал Белозерск, где открывали музей журнала “Наш современник”, в котором он проработал без малого сорок лет. “Это большая часть моей жизни. В каком-то смысле журнал и есть моя жизнь”, – говорил он на открытии. Видел и свои книги среди предметов экспозиции, гордился и любовался. До открытия в качестве консультанта помогал разрабатывать концепцию, подсказывал, где и какие статьи разместить, на чём сделать акцент... Александр Иванович в совершенстве знал историю журнала, потому что был одним из её создателей. Он с благодарностью смотрел видеообращения молодых писателей, которые показывали на мероприятии. Многие говорили о нём, признавались, что именно он привёл их в журнал.

А он и правда приводил, иначе не скажешь. Меня, например, высмотрел зорким взглядом на одном литературном интернет-портале. Попросил своего ученика намекнуть, что сотрудничество было бы возможно, если бы я предложила какую-нибудь статью для “НС”. Упустить такой шанс было бы просто глупо, и вот через три месяца статья про молодого прозаика Дмитрия Филиппова вышла. Александр Иванович пригласил в редакцию за авторскими – так началось наше с ним творческое общение, а после публикации той работы и моя карьера критика. Удивительное дело: мы регулярно созванивались, чтобы поговорить о продолжающемся сотрудничестве, и ни одно моё письмо

по электронной почте он не оставил без ответа. И это Александр Казинцев, глыба публицистики и многолетний заместитель главного редактора, у него наверняка на это совсем не было времени... Уже позже, работая в журнале, я узнала, что свой рабочий день Александр Иванович начинает с обширной переписки с авторами со всей страны и телефонных звонков. Для каждого у него находился ответ, важное и нужное именно сейчас слово.

Но особенно подробными и вдумчивыми были его диалоги с молодыми писателями, к новому поколению "НС" он относился трепетно. В этих диалогах он делился сокровенным, героями их становились Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Селезнёв, Вадим Кожинов, Пётр Палиевский, Сергей Викулов... перечислять можно бесконечно. И литература оживала, разворачивалась перед тобой кипучей жизнью, хотелось сразу читать и перечитывать тех, о ком он рассказывает с таким теплом и увлечением. Деятельность его как наставника не ограничивалась одними только наставлениями. Александр Иванович регулярно вёл самые разные семинары, искал талантливых ребят буквально везде. А потом не бросал их, но наблюдал и поддерживал, предлагал их произведения в журналы, номинировал на премии, способствовал заграничным писательским поездкам. Словом, он своими руками создавал литературные судьбы многих и многих, делал всё, чтобы литературный процесс в России продолжался.

А ещё он, конечно же, писал. Много и разное: начинал как поэт, продолжил как критик, прославился как публицист, а в конце жизни опять вернулся к поэзии. Александр Иванович делился, что в последнее время ему не давалась малая форма. Он начинает писать, но мыслей так много, что текст всё разрастается, структура усложняется, и вот она уже давит всей своей силой и никак не даёт закончить. Порой Александр Иванович побеждал в этой борьбе (например, в статье под названием "Новая ненормальность" в № 7 за 2020), а иногда оставлял её. И тогда возвращался к стихам. За последний год у него было две поэтические публикации, составленных из стихотворений прошлых лет: в февральском номере журнала "Москва" и в одном из августовских номеров "Литературной газеты". Критиком он был хотя и доброжелательным, но строгим и внимательным, молодым всегда давал совет: пишите о ровесниках, вам будет проще понять их тексты, ведь вы из одного поколения. Моя любимая его статья как раз об этом – "Начало пути: жизненный опыт и схемы" в № 12 "Нашего современника" за 1983 год. Критик в этой статье выступает против вхождения в литературу рейдерскими группами, предупреждает: "Молодые и не такие уж молодые авторы обнаружили, что в литературу проще входит группами, эшелонами, с бою. Необходимо только напомянуть представителям "новой волны", что монолитность литературных волн относительна. Их направленность, силу, эффект определяет не безымянная масса, а творческие индивидуальности". Создавая свою волну через многие годы, Александр Иванович помнил об этом. "Поколение НС" – сформированное им в литературную группу поколение прозаиков – это, прежде всего, творческие индивидуальности.

Немногие знали, каким человеком на самом деле был Александр Иванович Казинцев. Я тоже не могу похвастаться этим знанием в полной мере, хоть мы и работали бок о бок последние два года. Ты вроде и составил о нём мнение, вместил его в свою картину мира, и вот – он удивит тебя так, что осознаёшь: ничегошеньки ты о нём так и не понял. Вот как начнёт рассказывать про своих двух кошек, описывать, как наклоняют они пушистые головки, ласково ложатся под его руки. Или придёт на работу и сразу позвонит жене, из незакрытой двери кабинета доносится: "Да, мой хороший, я пришёл. Погода сегодня чудесная, листья ложатся удивительным золотым ковром...". И так каждый раз рассказывал о том, что видел по пути на работу, стремился запечатлеть каждое состояние природы, малейшее изменение. Ну, и самая милая его привычка, очень меня когда-то удивившая и прочно вошедшая в мой (и даже более – в семейный) обиход и лексикон. "Время яблочка" неизменно наступало в середине рабочего дня. Это значит, что нужно прерваться, отложить на время все дела и съесть яблоко, насладиться его вкусом и замершим моментом. В любой рабочей поездке за обедом Александр Иванович не изменял своей традиции, тихо улыбался и отрезал маленькие кусочки, вспоминая в это время о великом прошлом или вслух мечтая о будущем...

Пишу это, и параллельно в сознании вспыхивает ещё множество кадров,

историй, реплик, интонаций. Первый год моего пребывания в “НС”, последние тёплые дни осени, сижу в редакции и чем-то привычно занимаюсь. Звонок – Александр Иванович. “Яна, у меня для Вас рабочее задание. Немедленно отложите дела и прогуляйтесь по бульвару, погода просто невероятная”. Конечно, это было очень приятно, такая неожиданная забота и чуткость. Он вёл себя так со всеми нами: регулярно радовал женскую половину редакции шоколадками, делал комплименты, всегда замечал малейшие перемены во внешнем виде. “Ве-ли-ко-ле-пно”, – как бы пропевал он и всплёскивал руками. И хотелось действительно соответствовать этому “великолепно”, и день становился чуточку лучше.

И одновременно с этой расположенностью и учтивостью Александр Иванович Казинцев никогда ничего не говорил просто так, не льстил попусту. Снова вернусь на четыре года назад, в уютный кабинет первого заместителя главного редактора, куда я пришла забирать первые в своей жизни авторские экземпляры. “Александр Иванович, а как Вам мои стихи?” – задала я волнуемый меня на тот момент вопрос. “Плохо. Это всё не то”, – честно ответил он мне. Те, кто был знаком с Александром Ивановичем, знают, как искусно он умел подбирать слова и давать мягкие рекомендации. Но тогда он, видимо, понял, что мне нужна была правда. И это “плохо” не обидело, а только подтвердило и укрепило в выборе правильного пути. Спасибо Вам за ту правду, Александр Иванович. За всю правду, которой Вы со мной делились. Я постараюсь навсегда её сохранить.

Карина СЕЙДАМЕТОВА, поэт (Москва)

... Учителем моим он не был.

Познакомились мы впервые в 2010 году на международном Форуме молодых писателей в подмосковных Липках. Семинар журнала “Наш современник” вели тогда заместитель главного редактора, публицист и поэт Александр Казинцев и литературный критик Сергей Куняев. Первое, что сразу бросилось в глаза, – это какие-то невероятные интеллигентность, доброжелательность и такт Александра Ивановича. Более того, интеллигентность классическая, как “способность к пониманию другого, к восприятию, терпимое отношение к миру и к людям”. И если Сергей Станиславович где-то был экспрессивен, запальчив в разборе того или иного семинариста, то Александр Иванович всегда сглаживал острые углы литературных обсуждений, как бы подытоживая прения. Казинцев чувствовал необходимость поддержать молодого автора аккурат в тот момент, когда особенно велик шанс оступиться, свернуть с едва обозначенного пути.

Были и ещё встречи – семинарские и редакционные. Когда в 2017-м я пришла в редакцию уже в качестве сотрудника, как раз Александр Иванович одним из первых меня поддержал. Рассказывал, как сам пришёл в журнал, будучи довольно молодым человеком. В журнал, служению которому отдал почти сорок лет своей жизни. Ведь редакция журнала – не просто рабочий коллектив, а своего рода шумная семья с ежедневным выяснением отношений, обсуждением ежемесячных планов, жаркой полемикой, интеллектуальными беседами, юмором, теплотой встреч. Но прежде всего – это слаженно работающий единый организм. Наверное, нет нужды говорить, что произойдёт, если взять и ампутировать какую-то часть этого организма. Справедливы слова, когда-то написанные Лией Киргетовой: “Если терпеть возможно, это ещё не боль”. Так вот, боль сейчас нестерпимая: Александр Казинцев был человеком из той когорты старой московской интеллигенции, ныне почти исчезающей как вид. Был... Не верится, что пишу о нём в прошедшем времени. Но запомню его таким, каким видела последний раз в минувшем августе, возвратившимся в редакцию после весьма значимой для него встречи: молниеносно взбежавшим по лестнице в приёмную, улыбающимся. Сиятельным и счастливым... А из нагрудного кармана казинцевской ветровки подрагивали луговые цветы.

... Он много ездил. Даже в этот непростой для всей страны год были и Овстуг, и Уфа, и Питер, и Белозерск. Именно командировка в Белозерск Вологодской области, где состоялось открытие литературного музея журнала “Наш современник”, по стечению обстоятельств оказалась для него последней. Те-

перь отчётливо вспоминается наш с ним телефонный разговор за пару недель “до”. Ничего необычного, обсуждали детали ещё предстоящей поездки, планы будущих номеров и... сама не понимая почему, стала вдруг читать ему строчки из стихотворения Дианы Кан “Купите ошейник, и я буду Вашей собакой/ <...> Весеннюю воду из лужи сиреневой пить”. На что Александр Иванович, рассмеявшись, ответил: “Карина, Вы не собака, Вы прекрасная птица!” Произносил он это как-то нараспев, ласково, спокойно. И задумчиво продолжал: “Только представьте... Под куполом цирка Вы будете птицей, а я на арене весёлым клоуном, развлекающим публику. Я буду постоянно падать, а все будут смеяться, смеяться!..” Вспоминаю этот разговор и плачу.

У русского поэта Анатолия Константиновича Передреева есть прекрасные и трагичные стихи, посвящённые памяти Александра Яшина:

СОВЕСТЬ

*Теперь спокойно Вам...
А мне
Печально...
Я помню Вас,
Я вижу Вас
Во мгле!
Хоть, кажется, встречались мы
Случайно
Всего лишь два-три раза
На земле,
И всякий раз мне виделось
При встрече —
Друг друга
Узнавали мы
С трудом,
Когда шумел
В разгуле красноречья
Меня и Вас объединявший
Дом.*

*Ничем души моей
Вы не касались,
Когда с прямой —
Подчёркнуто —
Спиной
Нетерпеливым путником казались,
Прислушавшимся
К ветру за стеной!*

.....

*...И вот теперь —
Страницы книги Вашей
Посмертные
И — узнанные вновь...
Я чувствую,
Всем сердцем
К ним припавши,
Какая
Вами двигала
Любовь!*

Безжалостные по своей точности чеканные строки...
Да, Вашей ученицей я не была, но Вы научили меня многому. И ещё, может быть, самое главное: Ваша печальная “птица” будет очень скучать по Вас!
Мы все будем очень скучать...

Мария ЗНОБИЩЕВА, поэт (Тамбов)

* * *

*Памяти
Александра Ивановича Казинцева*

*Снег — молитвенный, старинный, золотой...
Что останется за чёрною чертой,
За движением — “от света и на свет”,
За молчанием, раздавшимся в ответ?*

*Под седьмое, в прежний век какой-нибудь
Проложил бы русский барин санный путь,
Чтоб следить, как за верстой летит верста,
Как земля его становится чиста,*

*Он крестился бы на колокольный звон,
Он дивился бы на свет со всех сторон
И смеялся бы, не тронутый зимой,
И он верил бы, что это — путь Домой.*

*Белый путь — последний путь — великий тракт
Человеческих сомнений и утрат...
Скорбный ангел примет душу на крыло,
А оставшимся — подняться тяжело.*

*О сиротстве — если наш удел таков —
Будут плакать голоса учеников
По России, по степям и по снегам,
И по обским, и по волжским берегам.*

*Отгремели искромётные бои.
Только чудится: “Хорошие мои...
Как снега, слова у Господа тихи.
Остаются только люди — и стихи...”*

*То ли слёзы, то ли белая роса,
То ли в трубке телефонной голоса,
Но над чёрною земною пустотой —
Снег молитвенный, нездешний, золотой.*